

ИСТОКИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ГРИЦАЙ С.Д., к.т.н., асс-т каф.

"Теплотехника и тепловые двигатели"

Каждодневное обращение к российской действительности убедительно показывает, насколько сложный и противоречивый период переживает наша страна. Слом привычной общественной системы и присущих ей социальных связей и механизмов функционирования привел к утверждению новой формы развития - от единообразия к многообразию. Одним из важных средств выхода из общественного кризиса и обеспечения экономической стабилизации является, конечно, право. Утверждение принципа верховенства права и законности приводит к становлению в обществе и государстве новой шкалы ценностей, а правовое регулирование приобретает значение наиважнейшего.

В современных условиях переходного периода особого внимания требует выявление и раскрытие негативных факторов, подрывающих ход и темпы намечившейся правовой реформы. Прежде всего это кризис доверия к власти, к закону, отвержение закона обществом, отсутствие поддержки правовой реформы общественным мнением, что приводит к правовому нигилизму, поклонению расхожим догмам и стереотипам деформированного правосознания и вере во всемогущие мер государственного и внесправового принуждения.

Несверие в силу законов, кризис общественного доверия к закону — такова основная особенность нынешнего государственного развития России. Поэтому оправданным становится выявление и устранение факторов, затрудняющих ответы на злободневные вопросы:

- почему не уменьшается, а даже растет преступность;
- в чем причины "бума" законодательства и в то же время наличия слабых и бездействующих законов;
- чем объяснить малую эффективность целого ряда государственных и демократических институтов;
- как реально обеспечить права граждан и их судебную защиту?

Ответить на них не просто и дело не сводится к чисто юридическим ответам.

Корни этих явлений, в числе которых находится и правовой нигилизм, лежат глубоко. Проблемы, относящиеся к правовому нигилизму, разрабатывались давно и достаточно обстоятельно раскрыты в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей. Вместе с тем, в данной работе автор, на основе анализа ряда исследований, попытается не только раскрыть сущность правового нигилизма в российском правосознании, но и показать возможные пути его преодоления.

НИГИЛИЗМ В РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМАХ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Отрицать значимость правового регулирования сегодня стало просто неприлично. Однако на уровне обыденного правосознания, которое формируется в процессе жизнедеятельности социального субъекта и служит ему повседневным средством ориентации в окружающей среде, правовой нигилизм прочно удерживает свои позиции и может быть определен как состояние общественного сознания, для которого характерны:

- 1) юридическая некомпетентность (отсутствие правовых знаний);
- 2) негативная оценка права (отрицание его социальной ценности);
- 3) распространенность навыков и стереотипов неправового и противоправного поведения.

Правовой нигилизм по сути есть правовое отчуждение. Происходит как бы отторжение права, общество стремится обойтись без него. Здесь неизбежно возникает вопрос: а что, собственно, отторгается? Обычно ответ подымают само собой разумеющимся, но это далеко не так.

В европейской правовой традиции в наиболее общем виде различают два типа правопонимания: юридический позитивизм и естественно-правовую школу. Сторонники первого направления видят в праве систему реально действующих (т.е. обеспеченных властным принуждением) правил поведения людей или принудительный порядок общественных отношений. Право, - писал Г.Кельсен, - отличается от других социальных порядков тем, что это принудительный порядок. Его отличительный признак - использование принуждения. Это означает, что акт, предусмотренный порядком в качестве последствия социально вредного действия, должен осуществляться также и против воли его адресата, а в случае сопротивления с его стороны - и с применением физической силы"/1/. Таким образом, принудительность правопорядка признается производной либо от государства, либо от общества, либо от человека, но в любом случае она остается его единственным отличительным признаком.

Естественно-правовая школа, в противоположность позитивизму, стремится дать содержательное обоснование устанавливаемого правом порядка. В самом общем виде предполагается, что правопорядок должен быть "хорошим", "справедливым". Об этом напоминает классическое определение, восходящее к Цельсу: "право есть наука о добром и справедливом", или известное определение права как минимума нравственности, данное русским философом В.Соловьевым: "право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных прояснений зла"/2/.

Большой конкретностью отличались представления сторонников договорной теории, которые полагали, что правовой порядок необходим для обеспечения естественных и

неотъемлемых прав человека, какими признавались жизнь, свобода, собственность и равенство. Другими словами (по И.Канту), право выступает "совокупностью условий, позволяющих совместить произвол (свободу) одного лица с произволом (свободой) другого с точки зрения всеобщего закона свободы"/3/.

Условием такого совмещения является правовое нормирование, формализация свободы на основе общего масштаба и равной меры. В целях обеспечения свободы всех участников социального общения право упорядочивает его на основе принципа формального равенства, абстрагируясь от исходных различий, присущих людям, и признавая их формально равными и свободными субъектами. В отечественной юридической науке основная заслуга обоснования формального равенства в качестве специфического правового принципа принадлежит В.С. Нерсисяну. Данный принцип позволяет определить границы порядка, который может быть общим для всех людей (как формально равных, а потому одинаково справедливый) и, следовательно, поддерживаться принудительно, т.е. получить в законах государственно-властное выражение, конкретизацию, призвание и защиту/5/.

Не государственное санкционирование превращает нечто несправое в право (как утверждают позитивисты), а только то, что изначально является правовым (формальное равенство и формальная свобода) может и должно обеспечиваться государством.

Предпринятый экскурс в теорию правопонимания потребовался для того, чтобы обосновать существование по меньшей мере трех "юридических нигилизмов": легистского, социологического и собственно правового.

Легистский нигилизм состоит из:

- 1) неосведомленности о содержании действующей нормативной системы (законов и других актов);
- 2) негативного отношения к официально установленным правилам поведения;
- 3) неумения действовать в соответствии с ними и одновременно распространения навыков незаконного (как противо-, так и внезаконного) поведения.

Социологический нигилизм имеет усеченный состав - в настоящее время трудно представить себе общество, неосведомленное о реально действующем в нем порядке и неадаптированное к нему, поэтому здесь можно зафиксировать только оценочный компонент - неодобрение существующего порядка

Наконец, собственно правовой нигилизм - это:

- 1) отсутствие в массовом сознании представлений о том, что нормативное регулирование общественных отношений должно осуществляться исходя из признания свободы и формального равенства всех их участников;
- 2) невосприятие этих принципов в качестве ценностей;
- 3) неумение и нежелание строить отношения на их основе.

В общественном сознании постсоветской России присутствуют все три "юридических нигилизма" - они имеют общие истоки, но разные следствия.

ВАРИАНТ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Формирование трехмерного юридического нигилизма напоминает цепную реакцию. Господство юридического позитивизма, отрицающего необходимость ценностного оправдания устанавливаемого законом порядка, приводит к тому, что закон не воспринимается как средство защиты своих прав и интересов, а потому и утрачивается всякий стимул к его соблюдению, уважению и защите. Постепенно складывается своеобразный внесудебный порядок - реальные общественные отношения, возникающие в результате взаимодействия различных социальных сил, что оказывается удобным и для государства, которое освобождается от необходимости следовать им же установленным правилам. Закон становится вещью сугубо формальной, в практической жизни малополезной, поэтому общество его не знает (или не хочет знать), не ценит и игнорирует (деистский нигилизм). В свою очередь, фактический порядок общественных отношений, имеющий сугубо силовое обоснование, тоже воспринимается как несправедливый - социологический нигилизм. Одновременно жесткие внешние требования системы неизбежно воспринимаются людьми, поскольку приспособившись к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его как бы желать действовать так, как он должен действовать. Социальный порядок, не признающий право, вытесняет его и из ценностной системы общества - люди привыкают действовать (и мыслить) в узких рамках допустимого поведения. В общественном сознании ценность свободы вытесняется порядком и стабильностью, формальное равенство - равенством социальным (уравниловкой), личность - коллективизмом (все той же уравниловкой, только в духовном аспекте - людям надлежит быть одинаковыми), т.е. утрачивается связь права с личностью, которая по словам Р.Неряга, "придаст всем правам, какого бы рода они не были, несоизмеримую стоимость" /3/.

Собственно правовым нигилизмом на уровне обыденного сознания и замыкается порочный круг - "...там где юридический нигилизм овладевает наукой, там неизбежен практический нигилизм в жизни народа" /9/, - отмечал Л.Нельсон, именно такой процесс и наблюдался на протяжении всей российской истории.

Известный американский историк Р.Пайпе определял Россию как "вотчинное государство", в котором "право суверенитета и право собственности сливаются до такой степени, что делаются неотличимы друг от друга, и где политическая власть отирается таким же образом, как экономическая". Вотчинное государство - это даже не деспотия, считающаяся извращенной формой монархии. "Здесь конфликтов между суверенитетом и собственностью нет и быть не может, ибо, как и в случае первобытной семьи, в которой

главенствует pater familias, они есть одно и то же. Деспот ущемляет право собственности своих подданных, а вотчинный правитель просто-напросто вообще не признает за ними этого права. Отсюда вытекает, что при вотчинном строе не может быть четкого разграничения между государством и обществом, постольку, поскольку такое разграничение предполагает наличие не только у суверена, но и у других лиц права осуществлять контроль над вещами. В вотчинном государстве нет ни официальных ограничений политической власти, ни законоправия, ни личных свобод" /1/.

Если на Западе, начиная со Средних веков, святость частной собственности была аксиомой политической философии и юриспруденции, то в "экономических обстоятельствах, господствовавших в России в Средние века и в начале Нового времени: институт частной собственности не мог устойчиво опереться ни на обычай, ни на закон; а незнание римского права делалось серьезным препятствием для внесения этого института со стороны" /2/. В отсутствие частной собственности не может быть и права. Поэтому "властный человек в древней Руси так четко забывал, что он не единственный человек на свете, и не замечал рубежа, до которого простирается его воля и за которым начинаются чужое право и общеобязательное приличие" /4/.

До сегодняшних дней (в виде колхозов и совхозов, преобразованных в акционерные общества) сохраняется крестьянская община, которая в сущности своей "есть ответственность исправных за неисправных, работающих за девищих, трезвых за пьяных, одним словом, величайшая несправедливость, деморализация населения и уничтожение в корне понятия о праве и гражданской ответственности" /1/. "Русский человек, не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым, и он мало почитает качества в личности. Это связано с тем, что личность чувствует себя подруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и сознана... Русский человек не чувствует неразрывной связи между правами и обязанностями, у него затемнено и сознание прав, и сознание обязанностей, он утонает в безответственном коллективизме..." /2/.

Крайняя неразвитость индивидуалистических начал в российском национальном генофитипе усугублялась привычкой безоговорочного подчинения сильной власти. В общем российская действительность вполне позволяла В.О.Ключевскому заключить: "Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимания на право: меня приучила к этому русская жизнь, не признававшая никакого права".

Советская действительность оказалась ее достойной преемницей. Откровенно нигилистическое отношение к праву, характерное для первых лет Советской власти адекватно отражало сущность нового режима. "Коммунизм по своей сути и определению (а социалистическая практика и фактически) отрицает индивида, личность как эгоистического, независимого и самостоятельного (экономического, правового, морального и т.д.) субъекта. Коммунистическое "освобождение" от частной собственности и

сложившихся форм свободы, права, индивидуальности оказывается вообще состоянием без свободы, права, личности и т.д. Переход от капитализма к социализму, от частной собственности к собственности общественной, ликвидация индивидуальной собственности на средства производства фактически означает не только уничтожение буржуазного индивидуализма, но вместе с тем и отрицание самостоятельного статуса и значения индивида, отдельного человека в качестве субъекта экономики, права и политики, радикальный отказ от индивидуального в пользу всеобщего (общественного, коллективного), всестороннего трансформации человека-индивида-личности в живое орудие и вспомогательное средство всеобщего целого, в простого исполнителя соответствующих функций пролетарски организованной коллективности и социалистической общности, - словом, в обезличенного, ординарного, бесправного "винтика" одной огромной машины коллективного поджигания, насилия, властно-централизованного производства, распределения и потребления" /5/.

О юридическом нигилизме (во всех трех его видах) на уровне массового и бюрократического сознания написано немало и, также общеизвестно то, что на протяжении всей советской истории граждане старались по возможности дистанцироваться от государства и права (закона), свести до минимума контакты с ними, полагаясь на неформальные связи и отношения.

С таким правовым багажом Россия вступила в период перестройки, в чем, как это ни парадоксально, были и свои преимущества. "Исследователям еще предстоит ответить на вопрос, - пишет А.В.Оболонский, - кого человечество должно больше всего благодарить за то, что насильственным, вооруженным потенциалом сопротивления... процессу дезинтеграции был использован распадавшаяся системой лишь на ничтожные доли процента - высших ия руководителей СССР, оппозиционному режиму интеллигентно, средние эшелоны власти, военных, или же здравый смысл простых людей" /6/.

Можно предположить, что немалую роль здесь сыграл легистский и социологический нигилизм, который был свойственен всем (и упомянутым, и неназванным в цитате) слоям населения. В стране практически не нашлось желающих защищать существовавший порядок. Однако, в массовом сознании легистский и социологический нигилизмы соседствуют с собственно правовым, что способствует установлению подлинного правопорядка. Велика опасность того, что на смену рухнушему неправомерному порядку придет новый, но опять основанный исключительно на силе. Ведь общество невосприимчиво к иным регуляторам.

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Сейчас уже не приходится доказывать необходимость и полезность права в деле преобразования и упорядочивания общественных отношений. Стремительное обновление и развитие законодательства служит ответом на запросы сегодняшнего дня. Уже накоплен

громадный нормативный материал, но обнаруживается немало острых юридических противоречий, в числе которых и разное правопонимание, и юридические конфликты, и произвол и беззаконие. Весьма примечательно, что многие негативные явления возникают на "правовом фоне", что можно квалифицировать как юридические парадоксы, разрешать которые непросто.

О верховенстве права знают граждане, с ним идут на выборы кандидаты в депутаты и президенты, его признают служащие аппарата, пытается разъяснить пресса. Но пока реально не удастся реализовать принципы верховенства права и преодолеть устойчивый правовой нигилизм. Более того, словесное признание права служит нередко прикрытием беззакония и произвола, массовых нарушений законности.

Одна из причин заключается в упрощенном понимании верховенства права. Считают, что есть закон, указ, акт администрации и с ними можно от случая к случаю соизмерять свои поступки. Но в правовом государстве именно право должно быть основой любых действий, именно закон должен выступать регулятором государственной и общественной жизни - в экономике, в социальной, политической, экологической сферах, в нем выражены основные общественные интересы. Отсюда, естественно, следует, что государственные органы, должностные лица и служащие всех ступеней "связаны" законом, что означает приоритет прав граждан, клиентов, потребителей, которых надо обслуживать, не выходя за рамки закона. Но по-прежнему граждане сталкиваются с соответствующими работниками, вооруженными не нормами законов, а инструкциями и отказом. Так привыкли и так удобнее для "самовластья". В итоге вместо расширяющегося поля правомерного поведения сохраняется поле неправомерного поведения - нарушения законности, произвол, бездействие и злоупотребления, т.е. праву нужна правовая защита.

Действительно, право оказывается в нашем государстве "беззащитным". Его принципы, устойчивые конституционные положения, нормы законов и иных правовых актов либо игнорируются, либо открыто попираются, - но много ли за это снимали с должности министров, наказывали руководителей организаций и учреждений, а безответственность, как известно, заразительна. И здесь приоритет за государством, которое желает реализовать принцип правового общества из декларации в реальность, за волевыми решениями его правоохранительных органов.

Также сказывается невысокое правосознание граждан, которые нередко произвольно понимают закон, иной акт, неумело используют свое право, плохо оценивают свои и чужие поступки. Но ведь правовая культура граждан важна и в профессиональной сфере, где должна служить элементом их служебной квалификации. Причем речь идет не о внешнем следовании праву, поскольку главное заключается в правовых ценностях, стимулах и мотивах поведения. Перевод правовых норм в личные установки и действия требует немалых усилий от каждого из нас.

"Как помочь современным людям усвоить идею прав, как, если можно так выразиться, довести ее до их сознания? - спрашивал Алексис де Токвиль полтора столетия назад. - Существует лишь один способ: надо всем им дать возможность спокойно пользоваться некоторыми правами"/10/.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту - обязанностью государства (ст.2). Согласно ст.18 Конституции России права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Перечень прав и свобод, закрепленный в гл.2 Конституции вполне соответствует международным стандартам. Но, как верно подметил Р.Иеринг, "всякое право в мире должно быть добыто борьбой... Право есть непрерывная работа и не только исполнительная работа государственной власти, но и целого народа"/13/.

Народ же пока не слишком интересуется своими правами и свободами, продолжает воспринимать их преимущественно сквозь призму патерналистских установок, памятуя о былой неэффективности законных способов защиты своих интересов, испытывает большую потребность в юридической помощи. Хотя определенные подвиги в массовом правосознании явно происходят. А другого нельзя было и ожидать.

Как известно, основой свободы является частная собственность. Исторически именно появление частной собственности дало возможность человеку пригнать не только на жизнь, но и на свободу. С собственностью же связывается возникновение и существование права, поскольку собственность является не просто одной из форм выражения свободы и права человека, она вообще образует цивилизованную почву для свободы и права.

На фоне развивающихся отношений в сфере собственности между предпринимателями и государством, пожалуй, должно и будет происходить становление и развитие правосознания россиян, и только через расширение этих отношений в области частного и публичного права нам видится основной путь преодоления правового нигилизма.

"Можно без преувеличения сказать: искусство жить свободным способно творить чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободным. С деспотизмом дело обстоит иначе. Он нередко представляется средством от всех перенесенных страданий, опорой законных прав, поддержкой угнетенных, основой порядка. Народы забываются в обстановке временного благополучия, которое он порождает, а пробуждаются они уже в жалком состоянии. Свобода, напротив, обычно рождается в бурях и с трудом укрепляется среди гражданских разногласий. Ее достоинства можно познать только тогда, когда она достигает почтенного возраста"/10/.

В рамках данной статьи, как нам представляется, удалось не только обозначить суть проблемы правового нигилизма, применительно к российской действительности, но и выделить, возможно, единственную движущую силу по пути преодоления российского правового нигилизма. Заключается она не в патерналистской (отеческой) заботе государства о приобщении индивида к праву через систему "всеобщая", а через личное осознание "частнособственнического" интереса - "через тернии к звездам". Впрочем, сложность пути к свободе и праву тоже имеет свои преимущества и, вероятно, следует согласиться с мыслью Р.Нерсисяна о том, что "...степень любви и привязанности народа к своему праву, с которыми он отгадывает его, определяется именно теми усилиями и борьбой, которыми он добыл это право. Не просто привычки, но принесенные народом жертвы, составляют несокрушимую связь между ним и его правом. Тому народу, к которому благоволит Бог, он не дарует, что ему нужно, не обдает, но напротив затрудняет труд добыть необходимое. В этом смысле я не колеблясь скажу: борьба, которой требует право, чтобы проясниться на свет, есть не проклятие, но благословение".

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Судьба России. - М., 1990.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. - М., 1960. Т.2.
3. История политических и правовых учений. XVII—XVIII вв. - М., 1989.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. В 8 томах. - М., 1958.
5. Нерсисян В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. - М., 1992.
6. Оболонский А.В. Государственные институты постсоветской России // Становление конституционного государства в посттоталитарной России. Вып.1 М., 1996.
7. Пайнс Р. Россия при старом режиме. - М., 1993.
8. Соловьев В. Сочинения. Т.1. - М., 1988.
9. Теория права и государства /Под ред. Г.Н. Манова. - М., 1995.
10. Токальш Алексис де. Демократия в Америке. - М., 1992.
11. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Вып.2. - М., 1988.